

© 2017 г.

А.А. ВЕРШИНИН

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года В РОССИИ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ

Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX – XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Русская революция 1917 г., как никакое другое событие, происшедшее за пределами Франции, повлияла на ход французской истории в XX столетии. С конца XVIII в. Франция могла по праву называть себя законодательницей политической моды. Здесь, как в огромной лаборатории, синтезировались современные представления о государстве и обществе, здесь же они проходили практическую апробацию. Идея революции выступала в качестве катализатора этих процессов. Французская политическая культура настолько пропиталась ей, что историки до сих пор говорят о революции как о чисто французской «страсти»¹. За 130 лет со дня взятия Бастилии Франция привыкла к своей роли политического авангарда Запада. Однако в 1917 г. ее пальму первенства оспорила страна, которую в Европе традиционно считали оплотом охранительства и политической реакции.

Во Франции левые почти на столетия оказались под властью символики и практики Русской революции. Причем это касалось не только французских коммунистов, которые, присягнув на верность Русской революции, во второй половине XX в. стали одной из крупнейших политических сил страны. Ее лозунги перенимали, подчас вынужденно, и те, кто не испытывал никаких симпатий к большевизму. Социалисты, отделившиеся от коммунистов на Турском съезде в декабре 1920 г., десятилетиями не могли изжить последствия так называемого комплекса Тура², в основе которого лежал страх предстать перед массами менее активными адептами революционной идеи, чем коммунисты. Но наибольшее влияние Русская революция оказала на состояние умов широких слоев французской интеллигенции. «Всеобщее очарование Октября»³ в течение почти всего века определяло мировоззрение значительной ее части.

На этом фоне примечательным выглядит тот факт, что вопрос о реакции французского общества и правящих кругов страны на Русскую революцию до сих пор, так или иначе, выпадал из сферы внимания историков. Нельзя сказать, что он не поднимался: десятки работ как за рубежом, так и в России посвящены изучению истоков французского коммунистического движения, зарождение которого неразрывно связано с революцией 1917 г.⁴ Однако именно такой угол зрения, представлявший проблему

¹ Lazar M. *Le Communisme, une passion française*. Paris, 2006.

² Michel Winock. «La gauche est historienne, pas la droite» – http://www.lexpress.fr/actualite/politique/laquo-la-gauche-est-historienne-pas-la-droite-raquo_477019.html

³ Фюре Ф. *Прошлое одной иллюзии*. М., 1998, с. 81.

⁴ См., например: Kriegel A. *Aux origines du communisme français, 1914–1920*. Paris, 1969; Robrieux P. *Histoire intérieure du Parti communiste*, t. 1–4. Paris, 1980–1984; Courtois S., Lazar M. *Histoire du Parti communiste français*. Paris, 2000; Ducoulombier R. *Camarades! La naissance du parti communiste en France*. Paris, 2010; Чернуха З.В. *Становление Французской коммунистической партии*. М., 1976; Вершинин А.А. *Мировая революция под звуки «Марсельезы». К истокам французского коммунистического движения. 1919–1923*. М., 2012 и др.

реакции на Русскую революцию в контексте другой самостоятельной темы, приводил к тому, что она оказывалась в тени, не говоря уже о том, что сопутствующие политические и идеологические установки исследователей не могли не влиять на их трактовку рассматриваемых событий.

Между тем речь идет о сложном сюжете, который требует отдельного изучения. Он имеет сразу несколько уровней осмысления. Во-первых, на революционные события в России во Франции смотрели через призму собственного революционного опыта, который в Третьей республике был канонизирован как фундамент легитимности политического строя. Во-вторых, фоном для осмысления Русской революции неизменно оставалась Первая мировая война, перспективы завершения которой в свете событий в Петрограде выглядели достаточно противоречивыми. Этот взгляд на революцию с двух позиций, «с точки зрения Франции и с точки зрения войны»⁵, приводил к тому, что в политических кругах она оценивалась во многом по-разному. Принципиально, что эти оценки не были статичными. Они быстро менялись под влиянием как событий в России, где Февраль перерастал в Октябрь, за которым последовала Гражданская война, так и вслед за внутриаполитическими пертурбациями во Франции, вызванными тяжелыми последствиями мировой войны.

В результате реакции французских правящих кругов на события между мартом 1917 г., когда в Париже получили первую информацию об отречении Николая II, и мартом 1918 г., обозначившим выход России из Первой мировой войны и фактический разрыв ее отношений с Францией, сливаются в сложную картину. Ее фрагменты нашли отображение в мемуарах и дневниках политиков, в их переписке, в текстах парламентских дебатов. Попытаться представить эту картину в общем виде, опираясь на доступные источники и расставив основные акценты, — основная цель автора этой статьи.

ПРЕДЧУВСТВИЕ РЕВОЛЮЦИИ

К 1917 г. в массовом сознании французов, не исключая из их числа и высшее политическое руководство страны, сложился многогранный образ России. Сформировавшееся у них представление о мощном восточном союзнике, соратнике в войне против исторического германского врага, оставалось достаточно устойчивым. Речь, разумеется, уже не шла о том энтузиазме, которым сопровождалось установление союзных франко-русских отношений после 1891 г. Политическая атмосфера той эпохи ушла. Во Франции после дела Дрейфуса 1896—1906 гг. у власти оказались левоцентристские правительства во главе с радикалами, чье отношение к России и ее социально-политической системе было неоднозначным. Для радикалов, считавших себя историческими наследниками якобинцев, царская автократия являлась, скорее, вынужденным попутчиком, чем полноценным союзником.

Показательной была позиция одного из их наиболее ярких лидеров — Жоржа Клемансо, в 1906—1909 гг. занимавшего пост премьер-министра. Французская республика, по его мнению, «могла заключить союз с русской абсолютной монархией, поскольку этого требовали ее интересы. Но это ни в коем случае не требовало от нее самоотрицания и оправдания царских репрессий. В равной степени, это не предполагало необходимости закрывать глаза на более чем сомнительные перспективы царизма... Ее долгом было помочь России эволюционировать к представительной политической системе»⁶. Еще более непримиримую позицию в отношении русского самодержавия занимали социалисты во главе с Жаном Жоресом.

⁵ Формулировка Альфреда Каю, главного редактора газеты «Фигаро», члена Французской Академии: *Le Figaro*, 17.III.1917.

⁶ *Berelowitch W. La révolution de 1905 dans l'opinion républicaine française — Cahiers du monde russe*, v. 48, № 2—3, avr. — sept. 2007, p. 382—383.

Однако раскаты предвоенной грозы заглушали политические угрызения совести французских республиканцев. Рост военной угрозы в Европе, со всей ясностью обозначившийся после второго марокканского кризиса 1911 г., отодвигал их идеологические предпочтения на задний план. На волне поднимающегося национализма радикалы были вынуждены делить власть с центристами и правыми центристами. Знаковой фигурой среди них являлся Раймон Пуанкаре, в 1913 г. избранный президентом Франции. В своей политике он исходил из того, что большая война в обозримой перспективе неизбежна⁷. Схожим образом мыслили и другие умеренные республиканцы, в годы войны занимавшие ключевые министерские посты. Представители этого политического фланга (помимо Пуанкаре к их числу можно отнести Александра Рибо, Аристида Бриана, Теофиля Делькассе, Гастона Думерга) в гораздо меньшей степени, чем левые, руководствовались отвлеченными от практики доктринальными установками.

Их отношение к России полностью определяла атмосфера Первой мировой войны, начавшейся для Франции 3 августа 1914 г. (здесь и далее все даты по новому стилю. — *А.В.*). Русский союз был жизненно важен для Парижа, и проблема внутривосточной стабильности в России превращалась в предмет его пристального внимания. Со времен революции 1905–1907 гг. французы сомневались в устойчивости царского самодержавия. Архаичная политическая система, с их точки зрения, была обречена на демонтаж. «Россия, как и все человечество, идет к неизбежному, а неизбежное — это право, справедливость и свобода», — писал в декабре 1904 г. Клемансо⁸. Он выражал, во многом, общее мнение французских политических элит.

Умеренные политики, разумеется, не высказывались столь прямо и избегали говорить о том, что Франция должна помочь России политически «усовершенствоваться». Однако вера в то, что русский политический строй безнадежно устарел, была присуща и им⁹. В разгар предреволюционного кризиса в России эти подспудные сомнения проявятся в полной мере. Морис Палеолог, посол Франции при императорском дворе в 1914–1917 гг., аристократ и личный друг Пуанкаре, в начале 1916 г. записал в своем дневнике: «Когда я размышляю о всем, что в русском социальном и политическом строе есть архаического, отсталого, примитивного и себя пережившего, я часто говорю себе: “Такой же была бы и Европа, если бы у нас, в свое время, не было возрождения, реформации и французской революции!”»¹⁰. Высшее политическое руководство регулярно получало донесения от французского посла, а также от своих военных представителей при Ставке Верховного Главнокомандующего. Крупнейшие парижские газеты имели своих корреспондентов в Петрограде и Москве. Обмен информацией шел и по личным каналам.

Информаторы французского правительства были тесно связаны с широкими кругами русской оппозиционной общественности. Палеолог находился в постоянном контакте с лидерами фракций Государственной Думы и земского движения. Само по себе это обстоятельство не являлось чем-то необычным, однако в условиях, сложившихся в России в годы Первой мировой войны, речь шла не просто о контактах между иностранной миссией и оппозиционными кругами. Французские представители постепенно погружались в мутные воды русской внутривосточной жизни, превращаясь из наблюдателей в ее участников. Априорная вера французов в историческую обреченность самодержавия совпала с устремлениями русской либеральной общественности, которая приходила к мысли о том, что монархия не в состоянии выиграть

⁷ См. речь Р. Пуанкаре перед парламентом: *Le Temps*, 21.II.1913.

⁸ *L'Aurore*, 21.XII.1904.

⁹ Эта идея разделялась частью политической элиты даже во время заключения франко-русского союза в начале 1890-х годов. См. подробнее: *Corbet C. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris, 1967.

¹⁰ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991, с. 27.

войну, и внутренние политические трансформации – необходимое условие решающей победы на фронтах¹¹.

Идея неизбежности политического катаклизма в России достаточно быстро проникла в умы французских представителей. Показательны в данной связи свидетельства Палеолога. Тема внутренней усталости русского общества, слабости власти и, как следствие, вероятности выхода России из войны возникает в дневниковых записях Палеолога уже через 4 месяца после начала боевых действий, когда для этого имелись лишь сугубо умозрительные основания¹². Посол старательно фиксировал все то, что, по его мнению, свидетельствовало об углубляющемся политическом кризисе в России: слухи о росте прогерманских настроений при дворе, о влиянии «темных сил» на императора, информацию о пораженческих настроениях на фронте и в тылу. На рубеже 1914–1915 гг. Палеолог не сомневался в том, что в массе своей они не имели под собой оснований. «Вот уже несколько раз я слышу, – отмечал он в своем дневнике 7 января 1915 г. – как упрекают императрицу в том, что она сохранила на троне симпатию, предпочтение, глубокую нежность к Германии. Несчастливая женщина никаким образом не заслуживает этого обвинения, которое она знает, и которое приводит ее в отчаяние»¹³.

С осени 1915 г. призрак революции завладел умом французского посла. В депеше на имя Пуанкаре в начале сентября он констатировал, что здесь «еще до конца войны могут вспыхнуть революционные беспорядки»¹⁴. Природа этой неизбежной революции не была ясна ни Палеологу, ни его русским собеседникам: «В какое время, в каких формах, при каких обстоятельствах разразится кризис?... Я не знаю. Но мне кажется, что событие это отныне предвещает себя неотвратимо, как историческая необходимость. Во всяком случае, вероятие его уже столь значительно, что я считаю нужным предупредить французское правительство»¹⁵.

С начала 1916 г. французский посол все более активно включался в русскую внутриаполитическую игру на стороне либеральной оппозиции. Массы русского населения, по его мнению, были готовы продолжать войну. На этой же позиции стояли думские круги, готовые добиваться победы на фронте через демократизацию политического режима. Царь также оставался верен своему обещанию воевать до победного конца. Главная угроза же состояла в существовании окружавших престол «темных сил», желавших сепаратного мира. Палеолог не сомневался в том, что «темные силы» настроены одновременно и реакционно, и пораженчески¹⁶.

Осенью 1916 г. посол считал ситуацию в России настолько тяжелой, что шел на открытое вмешательство во внутреннюю политику. В октябре через министра путей сообщения А.Ф. Трепова он обратился непосредственно к Николаю II с предложением отправить в отставку министров, подозревавшихся в симпатиях к «германской партии»¹⁷. Ответственность окружения императрицы за подготовку сепаратного мира теперь не вызывала у Палеолога сомнений. «Я констатирую везде беспокойство и уныние; войной больше не интересуются; в победу больше не верят; с покорностью ждут самых ужасных событий»¹⁸, – записал он в своем дневнике 1 января 1917 г.

Сведения из Петрограда, передаваемые Палеологом, к концу 1916 г. формировали у французских правящих кругов устойчивое мнение о том, что Россия стоит на краю пропасти. А. Рибо, в 1916 г. занимавший пост министра финансов Франции,

¹¹ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

¹² *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 134.

¹³ Там же, с. 144.

¹⁴ *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет, кн. 2. М., 1936, с. 53.

¹⁵ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны, с. 210–211.

¹⁶ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции, с. 165.

¹⁷ Там же, с. 218–221.

¹⁸ Там же, с. 266.

свидетельствовал: «С конца 1916 г. угроза революции [в России] ощущалась в воздухе... Вокруг царя плелись интриги, переходящие в заговоры. Некоторые назначенные министры едва скрывали свое предательство в пользу Германии. Царь, имевший самые лучшие намерения, но слабый характером, находился во власти императрицы. Она же, мистически настроенная и суеверная, попавшая под порочное влияние Распутина, могла лишь разрушить авторитет царской власти»¹⁹.

По характерному замечанию современного британского историка, русская внутривластная жизнь к концу 1916 г. впала в состояние «абсолютного помешательства»²⁰. Либеральная оппозиция шла на открытый конфликт с правительством, которое лишалось последних остатков авторитета в широких кругах общественного мнения. Во французских политических кругах циркулировали самые темные слухи о том, что творится в России. Пересказывались очевидные сплетни²¹, складывавшиеся в картину общего хаоса, выходом из которого станет политический катаклизм. Показательный факт: 2 января 1917 г. французская пресса без купюр напечатала скандально известную речь П.Н. Милокова «Глупость или измена», произнесенную 14 ноября 1916 г. в Государственной Думе и запрещенную русской цензурой. Именно с нее сам П.Н. Милоков отсчитывал начало Русской революции²².

Пуанкаре, черпавший свои сведения из донесений Палеолога, всерьез ожидал дворцового переворота, инициированного реакционно настроенными придворными кругами, выступающими одновременно за мир с Германией и против либерализации политического режима²³. Одно выглядело несомненным: верность России союзническому долгу в свете внутривластных пертурбаций оказывалась под вопросом. «Царь был верен слову, которое он нам дал, — заявлял впоследствии А. Рибо. — Но его министры оставались под подозрением... Мы опасались, что они окажут на слабого царя давление, которое в определенный момент станет опасным для Франции»²⁴.

В этой ситуации тревожной неопределенности французское руководство посчитало необходимым получить дополнительную информацию о положении дел в стране-союзнице, а кроме того — повторно оговорить с царским правительством военные планы на ближайшее будущее. С этой целью в Петроград для участия в межправительственной конференции Антанты отправлялась представительная делегация во главе с сенатором Г. Думергом и генералом Н. Кастельно. Ориентируясь на сведения, полученные от Палеолога, Пуанкаре просил французских эмиссаров «поговорить с Императором о внутреннем положении в России и о необходимости опереться на Думу»²⁵. Впрочем, напутствуя своих коллег, президент был полон сомнений по поводу перспектив их миссии. «В каком состоянии они застанут эту несчастную страну?», — задавал он риторический вопрос на страницах своего дневника²⁶.

Рассказ Думерга и Кастельно об увиденном в России подтверждал худшие опасения Палеолога и в то же время ярче высвечивал ряд обстоятельств, которые посол, погруженный в перипетии внутривластной борьбы в России, часто выпускал из виду. Царь однозначно подтвердил все те обязательства по ведению войны, которые взяла на себя Россия. Посетив фронт, французы остались довольны боевым духом армии и ее готовностью продолжать войну. В то же время их серьезно смущали общественные

¹⁹ *Ribot A. Lettres à un ami. Souvenirs de ma vie politique. Paris, 1924, p. 218–219.*

²⁰ *Lieven D. The End of Tsarist Russia. The March to World War I and Revolution. New York, 2015, p. 351.*

²¹ См., например, переписку французского посла в Лондоне: *Cambon P. Correspondance: 1870–1924, v. 3. Paris, 1946, p. 139.*

²² *Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001, с. 35.*

²³ *Poincaré R. Au service de la France. T. IX. L'Année trouble. Paris, 1932, p. 53.*

²⁴ *Sénat. Comité secret du mois de juin 1917. Séance du mercredi 6 juin 1917 — <https://www.senat.fr/comptes-rendus-seances/5eme/seances/comiteSecret.html>*

²⁵ *Cambon P. Op. cit., p. 139.*

²⁶ *Poincaré R. Op. cit., p. 50.*

настроения в тылу: «Нам кажется, что гигантская борьба, заливающая мир кровью, не занимает первое место в заботах русского народа. Ничто не изменилось, кажется, в течении жизни, в удовольствиях и труде. Конечно, война всех стесняет, но она ничему не препятствует, в особенности буйному возбуждению внутренней политики... Члены Думы легко впадают в жесткую критику Правительства Императора и вредного влияния, которое они приписывают Императрице; они страстно желают глубоких реформ конституционных законов их страны»²⁷.

Призывы к революционным политическим переменам в условиях мировой войны, раздававшиеся из либерального лагеря, не могли не смутить французских делегатов. В ходе встречи с видными представителями думской общественности Думерг высказал осторожное сомнение в своевременности затеянного ими крестового похода против самодержавия: «Я понимаю ваши тревоги, вашу досаду и крайнюю затруднительность вашего положения. Но прежде всего думайте о войне!». Замечание французского сенатора вызвало бурю негодования у лидеров кадетов П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова: «Довольно терпения!... Мы истощили все свое терпение... Впрочем, если мы не перейдем скоро к действиям, массы перестанут нас слушать»²⁸.

Общее впечатление французских эмиссаров о положении дел в стране-союзице было тяжелым. «Ничто не может дать представление о беспорядке, неразберихе, которые царят в России, о полном отсутствии всякой власти, — писал посол Франции в Великобритании Поль Камбон, встречавшийся с французскими делегатами, возвращавшимися домой через Лондон. — Повсюду, даже в салонах, даже при дворе, даже у некоторых великих князей свободно говорят о необходимости избавиться от Императора и Императрицы... Вероятно, революция произойдет только после войны, но возможно, что она случится и раньше»²⁹. Результаты поездки французской миссии в Россию подтвердили худшие опасения Пуанкаре. 5 марта 1917 г. он записал в дневнике: «Приближение революции чувствуется в воздухе. Если она разразится, то мы столкнемся с неизвестностью. Мы потеряем союзника в лице Николая II, который, по крайней мере, верен нам, и мы не знаем, кто придет ему на смену»³⁰.

РЕВОЛЮЦИЯ НА МАРШЕ

Французская политическая элита испытывала смешанные чувства, наблюдая за развитием политического кризиса в России. С одной стороны, ее представители, в особенности те, кто придерживался левых взглядов, смотрели на происходящее как на процесс реализации неизбежного. Многие не скрывали, что испытывали чувство некоего облегчения, видя, как на их глазах разрушается царская автократия. В апреле 1917 г. об этом прямо сказал министр вооружений Франции А. Тома: «Окончились внутренние мучения французских республиканцев. Русский союз позволил Франции дышать; она вышла из изоляции, но тот факт, что она стала союзником автократии, причинял ей страдания»³¹.

Факт либерализации русского политического режима, пусть и происшедшей революционным путем, не мог на публичном и официальном уровне не приветствоваться в республиканской Франции. Симптоматично, что французские политики проводили прямые параллели между событиями в России и Французской революцией конца XVIII в. Палеолог прямо сравнивал Николая II с Людовиком XV

²⁷ Рапорт начальника военной миссии в России генерала де Кастельно Военному министру (март 1917 г.) — Военно-исторический вестник. Париж, 1973—1974, № 42—43, с. 18.

²⁸ Палеолог М. Царская Россия накануне революции, с. 320.

²⁹ Cambon P. Op. cit., p. 147—148.

³⁰ Poincaré R. Op. cit., p. 68.

³¹ Journal de Russie d'Albert Thomas — Cahiers du monde russe et soviétique, v. 14, № 1—2, janv. — juin 1973, p. 96.

и Людовиком XVI, а императрицу Александру Федоровну – с Марией Антуанеттой³². Видный социалист, член палаты депутатов французского парламента Марсель Кашен записал в начале января 1917 г. в своем дневнике: «В России [ситуация] все больше похожа на [17]89»³³.

В то же время практически все представители французских правящих кругов вне зависимости от взглядов понимали, что революция может серьезно подорвать потенциал России как союзника в войне против Германии, если вообще не вывести ее из войны. Тем не менее, как и все давно ожидаемые события, свержение монархии в России произошло для французов неожиданно. Причины коллапса русского самодержавия осознавались весьма слабо. Камбон сожалел о том, что революция произошла крайне не вовремя (после войны она была бы даже желательна) и вновь проводил параллели с французской историей: «Это еще одна революция, спровоцированная близорукостью правителей. В нашей истории таковых было много»³⁴. Однако за констатацией «близорукости правителей» мало что скрывалось. Французская военная разведка, чьи представители действовали в Петрограде, рисовала достаточно противоречивую картину обстоятельств, приведших к краху монархии. В ее донесениях говорилось о «единодушном осуждении императора и императрицы всеми слоями общества», о «потребности в свободе, нехватке хлеба для рабочего населения» и «тайных происках Германии»³⁵. Отречение Николая II стало, по мнению разведки, результатом двойного заговора, организованного при участии германской и британской агентуры. Царь, как утверждалось, четыре месяца находился под воздействием «наркотических препаратов, которые ему ежедневно давал личный врач, подкупленный для этого совместно пронемецкой и проанглийской партиями».

Палеолог смотрел на причины революции во многом глазами своих собеседников из числа представителей думской оппозиции. «Романовы нашли в Протопопове своего Полиньяка», – записал он в дневнике 11 марта 1917 г.³⁶ Аналогия явно хромала: последний министр внутренних дел Российской империи едва ли подходил на роль вождя придворной реакционной партии³⁷. Однако именно он, с точки зрения либеральной общественности, являлся одним из лидеров «темных сил», которые одновременно подавляли освободительный порыв русского общества и готовили сепаратный мир с Германией. С точки зрения практики антимонархических революций, неоднократно реализованных французами, события в России развивались логично и предсказуемо. Однако Палеолог не мог отделаться от ощущения, что в случае с Россией эта схема не работает: «дух обоих движений совершенно разный».

«Республиканская идея, – констатировал Палеолог, – пользующаяся симпатиями петроградских и московских рабочих, чужда общему духу страны, и невозможно предвидеть, как армия на фронте примет столичные события». В вдоворооте февральско-мартовских событий, наблюдая за разливающейся по столице анархией, Палеолог пришел к мысли о том, что сохранение в России монархии является жизненной необходимостью. В беседе с председателем Государственной Думы М.В. Родзянко он отметил, что «царизм самая основа России, внутренняя и незаменимая броня русского общества, наконец, единственная связь, объединяющая все разнообразные народы империи»³⁸. Оказавшиеся у власти лидеры либеральной оппозиции, еще недавно близкие конфиденты французского посла, предстали в глазах Палеолога в совершенно ином свете. «Ни один из людей, стоящих в настоящее время у власти, – записал

³² Палеолог М. Царская Россия накануне революции», с. 242, 306, 389.

³³ *Cachin M. Carnets 1906–1947. T. 2. 1917–1920. Paris, 1993, p. 31.*

³⁴ *Cambon P. Op. cit., p. 149.*

³⁵ Революция глазами Второго бюро – Свободная мысль, 1997, № 9, с. 102.

³⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции, с. 339.

³⁷ *Lieven D. Op. cit., p. 351.*

³⁸ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны, с. 350.

он 17 марта, — не обладает ни политическим кругозором, ни решительностью, ни бесстрашием и смелостью, которых требует столь ужасное положение»³⁹.

Французское руководство спешно формулировало свое отношение к событиям, происходившим в России. Неприятие самодержавия среди французского общества, на протяжении нескольких лет читавшего в газетах о происках «темных сил», а также та скорость, с которой в России поменялась власть, фактически не оставляли ему выбора. 20 марта Бриан, в этот же день передавший пост премьер-министра А. Рибо, направил в адрес Временного правительства приветственное послание.

Палеолог опасался, что революция в России станет стимулом для распространения «социалистической фразеологии». Французские левые, действительно, были вдохновлены событиями в России. Социалистическая фракция палаты депутатов парламента обратилась с приветственным воззванием «К русским братьям». Позицию радикалов ярко выражал Ж. Клемансо, в годы войны занимавший кресло сенатора. В его статье удовлетворение фактом свержения автократии смешивалось с уверенностью, что отречение Николая II ликвидировало опасность заключения Россией сепаратного мира.

Революция, по мнению Клемансо, была предопределена борьбой между «молодой силой, вдохновленной высоким патриотизмом, и наиболее реакционной частью отжившей свое бюрократии, цинично включившейся в германские интриги, нити которых были у всех на виду»⁴⁰. В той легкости, с которой в России пала монархия, старый республиканец увидел высшее проявление духа нации, объединившейся ради победы над внешним врагом. Появление на Востоке «вооруженной нации», которая, как ему казалось, вдохновляется идеями свободы, на некоторое время изменило негативное отношение Клемансо к русским как к нации рабов, «преданной культуре водки»⁴¹.

Если Палеолог сомневался в применимости французской революционной модели к России, то Клемансо считал, что именно она объясняет смысл событий в Петрограде, и этот факт вселял в него оптимизм. На первых порах так во Франции думали многие. «Ничто не казалось более подходящим [для объяснения Русской революции], чем воспоминания о героических днях 1792 г. и патриотическом подъеме, который в аналогичных условиях привел на фронт цвет нашей молодежи», — отмечал в мемуарах преемник Палеолога на должности посла в России Жозеф Нуланс⁴². С этими настроениями приходилось считаться. В результате правительство оказалось в двусмысленном положении. На словах приходилось говорить то, во что с самого начала мало кто верил.

Уже 20 марта Палеолог не сомневался в том, что революция станет сокрушительным ударом по способности России вести войну. Опубликованный в этот день манифест Временного правительства говорил сам за себя. Через два дня он направил премьер-министру Рибо депешу, в которой достаточно точно предсказал, по какому сценарию будут развиваться события в России: «События, при которых мы присутствуем, по-моему, являются лишь прелюдией. Силы, призванные играть решительную роль в конечном результате Революции, еще даже не пришли в действие... Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят возникнуть... Мы не должны желать, чтобы это решение было близко, потому что оно не пройдет без глубоких потрясений»⁴³.

Информированный Палеологом, Рибо пессимистически смотрел на перспективы Русской революции. В письме французскому послу в США от 14 апреля 1917 г. он отмечал: «Революция, которая произошла в России без всякого сопротивления [со

³⁹ Там же, с. 370.

⁴⁰ *L'Homme enchaîné*, 18.III.1917.

⁴¹ *Ibid.*, 19.III.1917.

⁴² *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique: 1917–1919*, t. 1. Paris, 1933, p. 3.

⁴³ *Палеолог М. Царская Россия накануне революции*, с. 387–388.

стороны режима], едва ли будет способствовать энергичному продолжению войны»⁴⁴. Между тем публично произносились совсем другие слова. 21 марта, выступая с трибуны палаты депутатов парламента, Рибо приветствовал Русскую революцию: «Пусть на своем новом пути свободная Россия будет счастлива, обретет мощь и славу! Ее героические армии с энтузиазмом продолжат свое великое дело до тех пор, пока союзники не одержат общую победу, до тех пор, пока окончательно не восторжествует справедливость»⁴⁵. Депутаты стоя приветствовали слова премьер-министра. Сомнения по поводу перспектив Русской революции выражали лишь немногие правые депутаты. «Правительство, — отметил в своем выступлении монархист маркиз Арман де Бодри д'Ассон, — только что выступило с панегириком в адрес революции, которая, на самом деле, произошла не вовремя... Можно лишь сожалеть о том, что оно позволяет себе подобные реверансы в сторону крайне левых»⁴⁶.

Между тем из России продолжали поступать тревожные сигналы. Представитель французской военной разведки в Петрограде 8 апреля 1917 г докладывал в Париж: «Хотя Временное правительство и решило в принципе продолжать войну с напряжением всех сил для ее успешного завершения, вблизи него действует и мощный фактор мира, уходящий корнями в партии рабочих и крестьян, привлечший к такой мысли немало членов Думы. Окажет ли правительство сопротивление этому течению или будет сметено им — вот вопрос для союзников. По-моему, оно пойдет на уступки»⁴⁷. На страницах своего дневника и в депешах в Париж Палеолог фиксировал распространение антивоенных настроений в Петрограде и рост влияния Петросовета, где они были наиболее сильными⁴⁸.

Декларация Временного правительства от 9 апреля 1917 г подтверждала худшие подозрения французов. В ней выражалась решимость новых властей продолжать войну до победного конца, однако по настоянию Петросовета в текст декларации был внесен и пункт о необходимости заключения мира на демократических началах. Через пять дней после ее опубликования в своем письме послу в Вашингтоне Рибо констатировал: «Временное правительство запугано солдатским и рабочим комитетом, если еще не подчинено ему»⁴⁹. Об опасениях французского руководства премьер-министру 16 апреля писал президент Р. Пуанкаре: «Манифест русского временного правительства очень опасен, так как в Германии и Австрии его могут воспринять как признак готовности к немедленному заключению мира... Для нас белый мир был бы равнозначен поражению и заложил бы основы новых войн в будущем»⁵⁰.

Палеолог считал, что его возможности повлиять на ситуацию исчерпаны. Встречи с П.Н. Милюковым, получившим в составе Временного правительства портфель министра иностранных дел, окончательно убедили его в том, что новые руководители России не контролируют страну и армию. Реальная власть концентрировалась в руках Советов, но у французских эмиссаров, которые до сих пор действовали преимущественно в среде столичной либеральной общечественности, не было каналов выхода на их лидеров. Руководитель французской военной миссии в Петрограде генерал Морис Жанен считал, что посредниками здесь могли бы стать французские социалисты⁵¹.

В конце марта в Париже приняли решение направить в Россию делегацию французских политиков-социалистов. В их задачи входило оказать влияние на своих

⁴⁴ *Ribot A. Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites. Paris, 1936, p. 53.*

⁴⁵ *Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 21.III. 1917.*

⁴⁶ *Ibidem.*

⁴⁷ *Революция глазами Второго бюро, с. 104.*

⁴⁸ *Палеолог М. Царская Россия накануне революции, с. 420.*

⁴⁹ *Ribot A. Journal d'Alexandre Ribot, p. 53.*

⁵⁰ *Ibid., p. 65.*

⁵¹ *Journal de Russie d'Albert Thomas, p. 93.*

«политических единоверцев»⁵² и убедить их в необходимости продолжать войну до победного конца. «Проповедовать Совету благоразумие и патриотизм»⁵³ отправились три депутата французского парламента — Марсель Кашен, Мариус Мутэ и Эрнест Лафон. Одновременно с ними в Петроград по поручению правительства отбыл министр вооружений, член СФИО А. Тома. Он должен был дополнительно прояснить ситуацию, а также «придать решимости действиям Временного правительства»⁵⁴. В середине апреля 1917 г. французские делегаты прибыли в Россию.

К этому времени Палеолог уже не сомневался в том, что революция в России не только ведет к ее выходу из войны, но и открывает дорогу хаосу, «к разрыву всех национальных связей, к полному развалу России»⁵⁵. Корни разрушительной стихии Палеолог усматривал в культурной специфике русских как народа. «У латинских и англосаксонских народов, — отмечал он в беседе с Тома, — революционные силы обладают иногда изумительным могуществом организации и обновления. Но у народов славянских они могут быть лишь растворяющими и разрушающими: они роковым образом приводят к анархии»⁵⁶.

Однако социалисты, прибывшие в Россию, склонялись к другой точке зрения. Тома, Кашен, Мутэ и Лафон были твердыми оборонцами. В 1914 г. они вместе с большинством СФИО поддержали свое правительство и голосовали в парламенте за выделение ему военных кредитов. Однако на третьем году войны они, как и значительная часть их однопартийцев, пересматривали свое отношение к войне. Военные действия слишком дорого обходились миллионам французов, которые массово гибли на фронте и страдали в тылу. Недовольство быстро распространялось внутри Социалистической партии. В начале 1917 г. среди ее руководства уже действовала группа, открыто выступавшая за заключение всеобщего справедливого мира на равноправных условиях.

Тома, действуя в качестве официального представителя французского правительства в России, ставил перед собой задачу установления контакта с представителями Советов. Его взгляд на перспективы Русской революции изначально расходился с пессимистическими наблюдениями французского посла. «В движении народных и солдатских масс, в гуманистических мечтах народа, долго остававшегося в оковах и вдруг освободившегося, он видел горячее патриотическое чувство, которое позволяло надеяться на то, что возобновившаяся борьба против Германии продолжится с новой энергией до победного конца», — вспоминал Рибо⁵⁷. Советы, считал Тома, представляют собой движение, «которое, по сути, не противоречит демократическим стремлениям стран Запада»⁵⁸. Они, безусловно, несут на себе отпечаток национальной специфики, однако было бы большой ошибкой считать их чисто деструктивной силой. Рауль Лабри, в 1917 г. сотрудник Французского института в Петрограде, а впоследствии один из крупнейших французских русистов, писал: «А. Тома справедливо рассуждал, утверждая, что Советы являлись постоянным компонентом Революции, в то время как парламентаризм в духе Милюкова в конечном итоге ушел бы, засохнув, подобно дереву, не имевшему корней в русской почве»⁵⁹.

Тома вел активную разъяснительную работу среди представителей левых политических сил, убеждал их поддержать войну, предупреждая, что «на карте стоит все будущее социализма»⁶⁰. В то же время речь шла о том, чтобы учесть ряд ключевых требований русской революционной демократии. Ее лидеры с большим энтузиаз-

⁵² *Ribot A. Lettres à un ami*, p. 230.

⁵³ *Палеолог М. Царская Россия накануне революции*, с. 423.

⁵⁴ *Ribot A. Lettres à un ami*, p. 232.

⁵⁵ *Палеолог М. Царская Россия накануне революции*, с. 430.

⁵⁶ Там же, с. 443.

⁵⁷ *Ribot A. Lettres à un ami*, p. 232–233.

⁵⁸ *Journal de Russie d'Albert Thomas*, p. 89.

⁵⁹ *Labry R. Autour du bolchevisme*. Cahors, 1921, p. 83.

⁶⁰ *Journal de Russie d'Albert Thomas*, p. 97.

мом встретили озвученную в декабре 1916 г. посредническую инициативу президента США Вудро Вильсона, одной из центральных идей которой являлось публичное декларирование воюющими державами своих целей. Речь шла о заключении в будущем справедливого мира без аннексий и контрибуций. 22 апреля Бюро Второго Интернационала предложило европейским социалистам встретиться в Стокгольме и обсудить перспективы выработки общей платформы по вопросу об окончании военных действий. Значительная часть русских социалистов поддержала это предложение. Тома считал, что им нужно пойти навстречу.

«Мысль о Константинополе, — убеждал Тома А.Ф. Керенский, — не встречает никакого сочувствия в религиозном сознании мужиков. Это чистая легенда, однако в массе русского народа возникает новый патриотизм западного типа. [Русский] пацифизм был резкой всеохватывающей реакцией на военный империализм царя. Но теперь эта реакция прошла, и может установиться равновесие»⁶¹. Французский министр настоятельно советовал своему правительству согласиться с возможным предложением о пересмотре целей войны в соответствующем духе, поступившим от руководства России. Палеолог считал, что уступки в вопросе о пересмотре целей войны недопустимы. При всем своем сдержанном отношении к Временному правительству он был явно склонен опираться скорее на так называемые буржуазные элементы, чем на советскую демократию. Возможное принятие предложения о пересмотре целей войны привело бы к ослаблению либералов в правительстве, а, возможно, и к отставке ключевых министров⁶².

Тома же исходил из того, что либералами в правительстве можно пожертвовать ради укрепления отношений с Советами. В ходе апрельского кризиса Временного правительства он активно выступил за отставку П.Н. Милюкова с поста министра иностранных дел и назначение на министерский пост А.Ф. Керенского, которого считал наиболее ярким лидером революционной демократии. «Альбер Тома использовал свой блестящий талант политика для того, чтобы политический кризис завершился вхождением социалистов во власть... [Его] интеллектуальное превосходство и ясность его взглядов обеспечили ему беспрекословный авторитет. День и ночь он работает в правительстве и в Комитете [Петросовета]», — отмечал французский журналист Клод Анэ, в 1917 г. работавший в России в качестве собственного корреспондента газеты «Пти Паризьен»⁶³.

«В РОССИИ НАЗРЕВАЕТ ПОЛНАЯ КАТАСТРОФА»

«Альбер Тома и Морис Палеолог, — писал Керенский, — поныне остаются двумя символическими фигурами, олицетворением двух политик, которые наши главные западные союзники проводили в России и по отношению к ней. Ни та, ни другая линия поведения не получила абсолютного преобладания ни в Париже, ни в Лондоне»⁶⁴. В этих словах было много правды. Правительство Франции получало противоречивую информацию из России и постоянно колебалось. Палеолог предлагал изменить политику союзников в отношении России. В одной из своих телеграмм в Париж, содержание которой стало известно Кашену, посол, в частности, предлагал: «В тот день, когда получим подтверждение того, что Россия изменила своим обязательствам, мы должны будем рассмотреть возможность подписания мира с Турцией: оставить им Константинополь, установить международный контроль над Босфором... и, с полным учетом нашего интереса, провести раздел Малой Азии»⁶⁵.

⁶¹ Ibid, p. 101.

⁶² Палеолог М. Царская Россия накануне революции, с. 439.

⁶³ Anet C. La Révolution russe, v. 1. Paris, 1919, p. 215.

⁶⁴ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005, с. 322.

⁶⁵ Cachin M. Op. cit., p. 89.

Подготовка к подобному развитию событий означала бы коренной пересмотр отношений внутри Антанты, потенциально чреватый конфликтом. Кабинет Рибо был не готов на столь серьезный шаг. Однако альтернативой жесткому варианту были предложения Тома, которые в Париже воспринимали далеко не однозначно. В апреле Рибо недвусмысленно отказался от идеи пересмотра целей войны ради достижения соглашения с русской революционной демократией: «Подобное предложение, если бы оно не было принято, спровоцировало бы фактический распад Антанты. Если бы мы его приняли, то дали бы тем самым Германии то оружие, с помощью которого она разделила бы союзников»⁶⁶.

Руководство Франции было твердо убеждено в пагубности столь серьезных уступок пацифистским настроениям в России. Армия, парламент, общественное мнение и политики по ту сторону линии фронта могли трактовать их как признак слабости союзников по Антанте. В этом смысле линия Тома едва ли имела шансы встретить сочувствие во Франции, тем более после того, как ее сторонники сделали первый открытый шаг к выходу из коалиции «священного единения». Кашен и Мутэ, вернувшиеся из Петрограда в конце мая, фактически развернули пацифистскую пропаганду среди своих однопартийцев и коллег по парламенту. 28 мая национальный совет СФИО принял решение участвовать в международной конференции в Стокгольме. Однако решение социалистов спровоцировало настоящий скандал. 1 и 2 июня палата депутатов в закрытом режиме с участием премьер-министра обсуждала действия руководства СФИО.

Выступая с трибуны парламента, Кашен и Мутэ сообщили, что Русская революция предостерегла сепаратный мир России с Германией и тем самым спасла Антанту. Однако она же создала принципиально новые условия общественно-политического существования России, которые требуют со стороны союзников новой политики. «Когда мы прибыли в эту страну, — отмечал Мутэ, — мы осознали, что война находится вне сферы ее забот. Она думала только о революции, война же представлялась простой случайностью. Революционная Россия создала у нас впечатление нации, отправившейся на каникулы»⁶⁷. В разгар мировой войны Франция должна взять на себя ответственность за Русскую революцию.

Большинство парламентариев выступили против идеи поездки французских представителей в Стокгольм. Рибо объявил, что правительство отказывается выдавать им выездные паспорта. Все, впрочем, по-прежнему старались сохранить дружественный тон в отношении революционной России. Бриан, мастер словесной эквилибристики, произнес очередной панегирик освободительному порыву русского народа, однако сделал ряд тревожных наблюдений.

«Наши друзья Кашен и Мутэ, — говорил он 1 июня 1917 г. с трибуны парламента, — движимы горячим желанием увидеть, как Русская революция вместе с союзниками поворачивает оружие против общего врага... Но позволю себе напомнить им, что русское общество — это сложная среда, все элементы которой были поколеблены теми обстоятельствами, при которых произошла революция. Все то, что в русской традиции составляло основу движущего государственного начала и имело значение для неотесанной и мистически настроенной крестьянской массы, каковой и являются мужики, оказалось в одночасье упраздненным»⁶⁸. По мнению бывшего премьер-министра, риск того, что Россия погрузится в анархию, слишком велик, и в этой связи необходимо думать прежде всего о французских интересах.

Рибо старался уйти от возможного конфликта с новыми властями России по вопросу о Стокгольмской конференции, однако тот факт, что Русская революция постепенно превращалась в фактор французской внутренней политики, не мог не смущать.

⁶⁶ Ribot A. Lettres à un ami, p. 234–235.

⁶⁷ Comité secret du vendredi 1er juin 1917 – Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 16.V.1925.

⁶⁸ Ibid., 17.V.1925.

В особенности после того, как к вызванному ею смятению в рядах социалистов добавилась новая проблема. Из Петрограда потоком потекла информация о раскритикованных межсоюзнических соглашениях, как заключенных до войны, так и подписанных после 1914 г., в преддверии будущего передела мира.

В апреле глава русского МИД П.Н. Миллюков сообщил Тома о секретном соглашении, заключенном между Россией и Францией за месяц до свержения монархии⁶⁹. Речь шла о договоренности Г. Думерга и Николая II о будущей конфигурации восточной границы Франции, согласно которой Париж не только возвращал себе Эльзас-Лотарингию, но и получал особые права в Сааре, а также заручался согласием Петрограда на создание буферного государства на берегах Рейна. В обмен на это Париж давал Петрограду свободу рук в определении западной границы России.

Тома, вплотную занимавшийся вопросом пересмотра целей войны, счел договоренность предосудительной и сделал запрос в Париж. Рибо настаивал на том, что всплывшая информация не подлежит разглашению, однако министр вооружений сообщил ее Кашену и Мутэ, которые распространили сведения среди парламентариев. Под ударом при этом оказалось правительство, и без того переживавшее не лучшие времена. Армия и общественность все еще пребывали в шоке от провала наступления при Шемэн де Дам, в ходе которого французская армия за три недели боев в конце апреля – начале мая потеряла 180 000 человек. По фронту прокатилась волна бунтов. Тыл страдал от роста цен на товары первой необходимости. Рабочие массово бастовали (более 40 000 человек в начале июня)⁷⁰. Посетивший Францию Камбон в письме от 2 июня отмечал: «Я застал Париж в беспорядке. Люди, мужчины и женщины, развлекались, играя в русскую революцию»⁷¹.

На фоне все более четко обозначавшегося хаоса в России в сознании французских политиков шел процесс переоценки отношения к свергнутому самодержавию. «Подозрения [царского правительства] в предательстве никогда и не в малейшей степени не соответствовали действительности», – сообщал в начале июля в Париж временный поверенный в делах в России⁷². 28 июня произошел примечательный обмен мнениями между Пуанкаре и королем Бельгии Альбертом I. «В конечном итоге, – записал президент в дневнике, – ни против императора, ни против императрицы не нашли никаких улик... Ничего не нашли даже против Штюмера и Протопопова. От замены [режима] мы ничего не выиграли»⁷³.

Революционная Россия превращалась в источник постоянной головной боли для французского правительства. Палеолог вернулся в Париж и не скрывал от окружающих своего мнения о происходящем в Петрограде и на русском фронте. Тома окончательно запутался в политических комбинациях и в конце июня также покинул Россию. Должность представителя французского правительства в стране-союзнике оказалась вакантной. Рибо предложил ее Стефану Пишону, опытнейшему дипломату, трижды занимавшему пост министра иностранных дел, однако получил отказ. Пишон заявил, что не видит смысла ехать в Петроград: «Россия погружается в полную анархию, и ее уже ничем не удержать»⁷⁴. Конечный выбор Рибо пал на Ж. Нуланса, сенатора и бывшего министра.

Новый посол прибыл в Петроград 15 июля. В числе встречавших его был и журналист К. Анэ. Он в общих чертах описал ему ситуацию, сложившуюся в столице. Большевики, сообщал Анэ, контролируют значительную часть петроградского гарнизона⁷⁵. Нуланс впервые услышал о большевиках. Имя В.И. Ленина изредка

⁶⁹ Миллюков П.Н. Указ. соч., с. 139.

⁷⁰ Duroselle J.-B. La Grande Guerre des Français. 1914–1918. Paris, 2003, p. 201.

⁷¹ Cambon P. Op. cit., p. 171.

⁷² Ribot A. Journal d'Alexandre Ribot, p. 159.

⁷³ Poincaré R. Op. cit., p. 211–212.

⁷⁴ Ribot A. Journal d'Alexandre Ribot, p. 99.

⁷⁵ Anet C. Op. cit., t. 2. Paris, 1918, p. 50.

фигурировало в депешах Тома и Палеолога. Бывший посол знал его как главного адепта антивоенных идей и лидера «всех сумасбродов революции». Он считал, что приезд Ленина в Россию в апреле 1917 г. — это «самое опасное испытание, какому может подвергнуться русская Революция»⁷⁶. Тома также смущал тот факт, что сторонники Ленина активно распространяли пораженческие настроения, однако он считал их в основном маргиналами, которые не выражали истинных настроений революционной демократии.

Однако за месяц, прошедший между отъездом Тома и прибытием Нуланса в Петроград, ситуация поменялась. Большевики завоевывали Петросовет, политическая роль которого росла. Нуланс достаточно точно характеризовал ту роль, которую он играл в политической жизни России: «[Петросовет] представлял исключительно интересы одного отдельно взятого класса, который численно уступал остальным категориям населения и опирался... только на район Петрограда. Сила и опасность этого совета были связаны с тем, что он обосновался в центре отправления политической власти, а также с тем, что он, влияя на население столицы, контролировал рычаги управления всей Россией»⁷⁷. Деятельность Петросовета, по мнению посла, открывала путь к власти для сторонников Ленина.

Нуланс считал, что в общей массе русской революционной демократии большевики не имеют преобладания, однако, являясь ее наиболее динамичной частью, они оказывают существенное влияние на события. Он не колебался в определении политической ориентации Ленина и его соратников, прямо сообщая в Париж о том, что они играют роль «пятой колонны» Германии. Договариваться с ними нет смысла: «Ожидать чего-либо от большевиков, пытаться вступить с ними в переговоры, считать, что их можно привлечь к нашему делу, — пустые надежды»⁷⁸. В отношении Петросовета Нуланс занял позицию строгого нейтралитета, одновременно критикуя пассивную позицию Временного правительства в отношении происходящих событий. В первом же разговоре с Анэ он выразил удивление по поводу бездействия министров, приведшего к росту влияния экстремистски настроенных сил на положение дел в Петрограде⁷⁹. Это раздраженное непонимание лишь обострилось после того, как Нуланс, едва занявший посольский особняк на Французской набережной, стал свидетелем антиправительственных выступлений 16–18 июля, которые чуть было не привели к свержению правительства. Поводом для них стало неудачное наступление русского Юго-Западного фронта в Галиции.

Накануне своего отъезда из России Тома, настаивавший на активизации русской армии в кампании 1917 г., предвидел ее большой успех⁸⁰. Широко разрекламированное военным министром Керенским наступление должно было доказать всему миру, что новая демократическая Россия воюет лучше, чем старая самодержавная. Во Франции также ожидали успехов. После того как до Парижа дошла информация о первых победах русской армии, палата депутатов выступила со специальным приветственным заявлением. От имени парламентской комиссии по международным делам выступил ее председатель, бывший министр Жорж Лейт: «Русские армии не поддались разлагающему влиянию и оскорбительным советам Германии, которая предлагала им предать Революцию и вероломно разорвать связывающие ее союзы. Напротив: они ответили на призыв великого патриота Керенского, Карно русской революции... Палата депутатов сердечно приветствует великолепный порыв наших верных и храбрых союзников»⁸¹.

⁷⁶ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны, с. 429.

⁷⁷ Noulens J. Op. cit., p. 44.

⁷⁸ Ibid., p. 46.

⁷⁹ Anet C. Op. cit., t. 2, p. 50.

⁸⁰ Journal de Russie d'Albert Thomas, p. 184–185.

⁸¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 16.VII.1917.

Но торжество оказалось преждевременным. В тот день, когда в зале заседания палаты депутатов в Бурбонском дворце произносили очередные панегирики Русской революции, ее армии уже беспорядочно отступали под контрударами немецких и австро-венгерских войск. «Я прочитал ужасное сообщение из России, в котором признается, что анархия в войсках нарастает. Кажется, что немцы свободно продвигаются вглубь несчастной страны», — писал премьеру Пуанкаре⁸². В Петрограде Нуланс получал отрывочные известия с фронта, которые складывались в картину полного коллапса. Под окнами французского посольства появились группы вооруженных людей, требовавших отставки Временного правительства и передачи власти Советам. «Ленин и Троцкий воспользовались случаем, чтобы организовать восстание ради собственной выгоды... Ни я, ни кто-либо из других свидетелей происходивших плачевных событий не можем понять пассивность и политическое безволие Временного правительства», — отмечал Нуланс⁸³.

Французский посол считал, что подавление июльского восстания в Петрограде стало лишь счастливой случайностью, которая объяснялась решительными действиями части военных. Что касается Керенского, то «Карно русской революции», по мнению Нуланса, в очередной раз проявил свою слабость. К военному министру, 20 июля занявшему кресло председателя правительства, он относился без всякого пиетета. «Керенский, — писал Нуланс, — слишком большое значение придавал жестам и словам, но, что характерно, не умел действовать... Он, казалось, верил, что слово было самодостаточным, а коллективное воздействие на аудиторию само собой обеспечивало практическое воплощение»⁸⁴. Новый премьер отплачивал послу Франции той же монетой⁸⁵. Все это, разумеется, не способствовало установлению плодотворного взаимопонимания между Временным правительством и руководством Франции. Впрочем, после июльских событий в Париже, видимо, поняли, что под отношениями с Россией надо подводить черту. «В России события развиваются от плохого к худшему. Там зреет полная катастрофа», — констатировал в письме от 23 июля Камбон⁸⁶. Получив сведения из Петрограда, Пуанкаре решил, что поступающую в страну информацию о событиях в России необходимо подвергать предварительной цензуре⁸⁷.

Французские верхи укреплялись в мысли о том, что революция в России является мощным ударом по Антанте, который нанесла Германия. Брат П. Камбона Жюль, в 1917 г. генеральный секретарь МИД Франции, в ноте правительству от 17 июля предостерегал от повторения русских событий в других странах-союзницах: «[Германия] настолько устала, что до конца года ей необходим мир. Чтобы добиться этого, она спровоцирует революции. Она уже преуспела в России, таким же образом она будет действовать во Франции... Она подорвет дисциплину в армии, разожжет недоверие к властям, в общественной среде будет подогревать нервозность и нетерпение»⁸⁸. Французские военные не сомневались в скором военной крахе на русском фронте. На межсоюзнической конференции в Лондоне в начале августа генерал Фердинанд Фош уверенно констатировал — «Россия падет»⁸⁹.

С конца июля 1917 г. французские политики и общественное мнение начали быстро терять интерес к событиям в России: неизбежность скатывания страны в хаос была окончательно осознана. Дольше других в перспективы Русской революции верил Клемансо. Фигура Керенского в его глазах неизменно стояла высоко: «Русское правительство в лице его руководителя, которого вы, возможно, не сочтете либералом, выполнит свой долг».

⁸² *Ribot A.* Journal d'Alexandre Ribot, p. 162.

⁸³ *Noulens J.* Op. cit., p. 27–28.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 29, 31.

⁸⁵ *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. М., 2007, с. 146.

⁸⁶ *Cambon P.* Op. cit., p. 186.

⁸⁷ *Ribot A.* Journal d'Alexandre Ribot, p. 163–164.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 163.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 174.

Поражение в Галиции «ничего не означает»: «Россия восстановилась, и ее возглавляет человек с государственным мышлением»⁹⁰. В начале августа Клемансо еще надеялся на то, что «революция ищет объяснимое равновесие», однако энтузиазм марта уже ушел. По его убеждению, Россию могла спасти лишь революционная диктатура⁹¹.

Между тем французские дипломаты фиксировали дальнейшее углубление социально-политического кризиса в России после июльских событий и его влияние на ход боевых действий. 30 июля секретарь посольства Франции Луи де Робьен сообщал в Париж своему бывшему шефу М. Палеологу: «Россия надолго выведена из игры... нам же предстоит решить, как в связи с этим действовать, а также понять, сообразуясь с теми картами, которые есть у нас на руках и расклад которых мне неизвестен, стоит ли продолжать партию и как мы можем ее выиграть. Но важно при этом не строить иллюзий и не рассчитывать на козырь, которого у нас больше нет»⁹².

По мере ухудшения ситуации в стране престиж Временного правительства в глазах эмиссаров французского правительства, и без того сомнительный, катастрофически падал. Де Робьен крайне нелицеприятно отзывался о Керенском, в личном плане предпочитая ему даже Ленина, который, «по крайней мере, честный и убежденный человек»⁹³. При этом все, начиная с Нуланса и заканчивая членами французского правительства, считали, что альтернативы Временному правительству нет. «Несмотря на все, — писал де Робьен о Керенском, — сегодня он — единственный человек, с которым мы можем связать надежду на то, что Россия продолжит войну. Его необходимо использовать»⁹⁴.

Посольство в Петрограде рассчитывало на сотрудничество премьер-министра и Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова. Вариант государственного переворота в разгар мировой войны казался французам в высшей степени опасным. Получив 10 сентября известия о корниловском выступлении, Нуланс в составе делегации представителей стран Антанты в Петрограде обратился к Керенскому с предложением о посредничестве в конфликте с Корниловым. В эмиграции бывший председатель Временного правительства представлял послов активными участниками корниловского выступления, поддержавшими Верховного главнокомандующего: «Поставив свою ставку на такую слабую лошадь, союзники оказались очень плохими спортсменами... Как будто кто-то нарочно в Лондоне и Париже торопился помочь Людендорфу — Ленину»⁹⁵.

В Париже на бурные события в России реагировали вяло. В начале сентября, не справившись с внутренними проблемами в стране, пало правительство Рибо. Со всей ясностью обозначилась перспектива углубления политического кризиса, единственным выходом из которого многие считали жесткую централизацию власти. Все чаще звучало имя Клемансо как фигуры, способной сплотить нацию в критический момент. На этом фоне очередной симптом назревающего краха России оказался на периферии внимания: сомнений в дальнейших перспективах союзника никто не испытывал. Камбон, впрочем, связывал надежды с выступлением Корнилова. «У нас все желают ему успеха, — писал он 13 сентября, — для нас это единственный шанс увидеть возрождение русской армии»⁹⁶.

Однако на фоне тяжелых событий на русском фронте (в начале сентября немцы вошли в Ригу) оптимисты оказывались в абсолютном меньшинстве. Экстраординарный шаг Керенского, объявление России республикой 14 сентября, не мог ничего изменить. Новый премьер-министр Поль Пенлеве сохранял лишь

⁹⁰ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat. 22.VII.1917.

⁹¹ Ibid., 10.VIII.1917.

⁹² Robien L. de. Journal d'un diplomate en Russie (1917–1918). Paris, 1967, p. 100.

⁹³ Ibid., p. 101.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Керенский А.Ф. Потерянная Россия, с. 146.

⁹⁶ Cambon P. Op. cit., p. 196.

видимость доверия Временному правительству. «Хотя положение дел на русском фронте принесло разочарования, — заявил он в стенах парламента, — мы не должны терять надежду на то, что новая Республика возродит единство и дисциплину, осознав, насколько велика опасность»⁹⁷. Свой былой энтузиазм терял и Клемансо. «Гражданская война в России разгорается», — написал он, узнав о корниловском выступлении⁹⁸.

На протяжении двух месяцев — с сентября по ноябрь — дальнейшее скатывание России в анархию воспринималось как аккомпанемент французского политического кризиса, окончившегося 19 ноября 1917 г. формированием правительства Клемансо. Нуланс и его сотрудники передавали все более тревожные известия из Петрограда. Демарш с провозглашением республики не произвел на посла большого впечатления. «Эта запоздалая декларация, — писал он, — не сопровождалась никакой фиксацией властных полномочий, не говоря уже о конституции... Солдатские и матросские комитеты... не преминули раскритиковать использованную формулировку как чересчур лояльную в отношении буржуазного общества»⁹⁹. В Париж шла информация о росте популярности радикальных настроений, выразителями которых являлись «максималисты» — термин «большевизм» в дипломатических документах пока фигурировал от случая к случаю. В то же время сообщалось об углублении социально-экономического кризиса — деградации транспорта, дороговизне и угрозе голода, вызванной «не столько недостатком продуктов питания, сколько их неправильным распределением»¹⁰⁰.

На страницах своего дневника де Робьен предвидел дальнейший ход событий. 15 сентября он написал: «Конфликт Корнилова и Керенского отойдет на второй план, так как за ним грядет виток борьбы, которая не менее опасна — борьбы между правительством, опирающимся на всех тех, кто стремится к относительному порядку, и советами, которые осознали свою силу во время этой авантюры и которые призывают товарищей (*товариchs*) к восстанию против любой власти»¹⁰¹. Демократическое совещание, проходившее в Петрограде с 27 сентября по 5 октября, формирование третьего коалиционного правительства 8 октября являлись попытками политического маневрирования в ситуации отсутствия у официальных властей других рычагов влияния на ситуацию.

Французские дипломаты не сомневались в том, что обе эти попытки изначально были обречены на неудачу. Нуланс, впрочем, считал, что правительство до самого последнего времени могло обрести политическую и социальную базу, если бы прямо обратилось к нации и поспешило с формированием общенародного представительства. Спустя 12 лет после революции в России в своих мемуарах он повторял мысль о том, что большая часть тех трудностей, с которыми столкнулся Керенский, объяснялась отсутствием у него мандата на управление, выданного страной¹⁰². Большевики неизменно воспринимались как кучка смутьянов, которые преуспевают лишь потому, что не встречают мощного сопротивления. Французы, даже оказавшись в самом центре революционных событий, с трудом отдавали себе отчет в масштабах той катастрофы, которая разворачивалась на их глазах. В этой связи нельзя не согласиться с Керенским, который, комментируя впоследствии свои споры с союзниками, отметил, что у сторонников наведения порядка, окажись они во власти, «не будет уже времени заниматься “империалистической” войной; все ее силы будут поглощены войной гражданской»¹⁰³.

⁹⁷ *Le Petit Journal*, 19.IX.1917.

⁹⁸ *L'Homme enchainé*, 15.IX.1917.

⁹⁹ *Noulens J.* Op. cit., p. 81–82.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 80.

¹⁰¹ *Robien L. de.* Op. cit., p. 123.

¹⁰² *Noulens J.* Op. cit., p. 50–51.

¹⁰³ *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия, с. 145–146.

«МАКСИМАЛИСТЫ ПОБЕЖДАЮТ»

В октябре Нуланс констатировал, что Временное правительство окончательно утрачивает контроль над положением дел в стране и на фронте. Прибывшая в Россию военная миссия генерала Альбера Нисселя диагностировала полное разложение русской армии. На страницах своего дневника де Робьен ежедневно фиксировал все новые признаки окончательной дискредитации кабинета Керенского. 20 октября на открытии Предпарламента, учрежденного Демократическим совещанием, премьер-министр произнес очередную речь о необходимости крепить ряды перед лицом внешней и внутренней угрозы. Однако его аргументы повисли в воздухе: «Россия, даже официальная Россия, больше не скрывает, что она сыта войной и возлагает всю ответственность за ее продолжение на союзников. В этих условиях конец не может не наступить быстро»¹⁰⁴.

Нуланс писал о крестьянской «жакерии», которая охватила всю территорию России, о бесконечных стачках в крупных городах, о дальнейшем параличе транспорта. Главное, что поражало его накануне большевистского выступления, — это всеобщая пассивность официальных властей и нежелание предпринимать какие-либо активные действия. «Очевидно, большевики возьмут власть, — говорили ему в личных беседах представители столичной элиты, — но через восемь или десять дней Россия их исторгнет и навсегда избавится от коммунизма. Тогда наступит ваш черед»¹⁰⁵. 4 ноября, когда слухи о скором перевороте дошли и до французского посольства, Нуланс посетил Керенского и окончательно убедился в том, что премьер-министр не только не контролирует ситуацию в Петрограде, но и не отдает себе отчета в происходящем.

За событиями 6–7 ноября французское посольство следило в режиме реального времени благодаря многочисленным визитерам из числа видных русских политиков и представителей прессы, которые приходили «получить некоторое утешение, поговорив с одним из представителей Антанты». Нуланс оставался в центре событий. Вскоре после большевистского переворота он узнал о наступлении на столицу верных Керенскому войск генерала П.Н. Краснова. Его многочисленные русские собеседники обещали скорый перелом в положении дел. «Я едва сдерживал свое раздражение подобной наивностью», — писал он впоследствии. 12 ноября Нуланс отправил депешу на имя министра иностранных дел Франции, в которой подытожил весь ход развития Русской революции, начиная со дня отречения Николая II. «Грустные события, свидетелями которых мы являемся, — писал он, — являются результатом восьми месяцев беспечности. Все это время члены Временного правительства считали, что служат Русской революции, однако серьезно заблуждались, так и не осознав всей ответственности, которую предполагало их положение, и поставив свои партийные устремления выше национального интереса»¹⁰⁶.

Керенский превращался из «русского Карно» в козла отпущения. Рибо в своих мемуарах писал о том, что портрет волевого революционного трибуна, нарисованный французскими представителями в России в первые месяцы после отречения царя, «совершенно не соответствовал тому, что о Керенском вскрылось в ходе последующих событий»¹⁰⁷. Еще жестче выразился Камбон в письме от 16 ноября, назвав премьер-министра Временного правительства «жалким болтуном»¹⁰⁸. Однако обвинения в адрес Керенского были лишь попытками найти простейшее объяснение развивавшемуся кризису.

Нуланс, как и многие другие французские политики, оказался в плену русской революционной иллюзии. Осознать глубинную суть событий, происходивших в России,

¹⁰⁴ *Robien L. de. Op. cit., p. 136.*

¹⁰⁵ *Noulens J. Op. cit., p. 116.*

¹⁰⁶ *Ibid., p. 131.*

¹⁰⁷ *Ribot A. Lettres à un ami., p. 230.*

¹⁰⁸ *Cambon P. Op. cit., p. 199.*

саму природу того революционного слома, который переживала страна, носитель французской политической культуры мог, лишь выйдя за рамки принятого в ней дискурса о революции как освободительном порыве нации против авторитаризма. К этому вплотную подошел Палеолог. В схожем ключе рассуждал и Камбон. 17 декабря он написал: «После того, как порвалась та связь, которую обеспечивал царизм, Россия распалась на отдельные племена. Нужно было быть настолько же ограниченным, насколько ограничены французские и английские политики, на время отвлекшиеся от парламентской болевни, чтобы в первый же день не увидеть, во что выливается Русская революция»¹⁰⁹.

Однако в Париже по-прежнему царило непонимание. Никаких других новостей, кроме плохих, из России давно не ждали. На известие о падении Временного правительства Пуанкаре отреагировал лишь одной фразой, записанной в дневник: «Плохие новости из России. Максималисты побеждают»¹¹⁰. Никто не сомневался в том, что переворот в Петрограде не будет способствовать энергичному участию России в войне. Антивоенные настроения большевиков были хорошо известны. Кроме того, донесения Нисселя не оставляли никакого места для иллюзий: коллапс русского фронта — дело ближайшего будущего. Выдвинув сразу после взятия власти предложение о заключении всеобщего справедливого равноправного мира, большевики вступили в переговоры о сепаратном перемирии с Германией и ее союзниками. В декабре 1917 г. генерал Петэн тщательно подсчитывал количество германских дивизий, высвобождавшихся на востоке. По его оценкам, к маю 1918 г. германское превосходство над союзниками на западе должно было составить 30 дивизий¹¹¹.

Для Франции наступало самое тяжелое время за все годы войны. В ноябре к власти пришло правительство Клемансо, взявшее курс на централизацию управления и мобилизацию всех ресурсов страны. Большевицкий переворот, грозивший пагубными последствиями для союзников по Антанте, осудили все политические силы Франции, включая СФИО¹¹². В то же время все сходились на том, что Парижу необходимо определиться со своей новой политикой в отношении России. В последние месяцы 1917 г. французское правительство мыслило в том же ключе. Оно исходило из того, что большевицкий переворот незаконен, так как он, по словам С. Пишона, министра иностранных дел в кабинете Клемансо, «сверг власть, установившуюся в результате Русской революции»¹¹³. Руководство Франции отказалось признать новую власть в России, однако вариант нахождения некоего *modus vivendi* с большевиками на первых порах отнюдь не сбрасывался со счетов. Мотивы, которыми руководствовались союзники, наглядно изложил премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж: «Любой официальный шаг, открыто направленный против большевиков, мог только укрепить их в решимости заключить мир и мог быть использован для раздувания антисоюзнических настроений в России, и мы сами нанесли бы удар тому самому делу, во имя которого мы действовали»¹¹⁴.

Нуланс в Петрограде в первые недели после переворота старался вести себя максимально конструктивно. В своих интервью петроградским газетам он заявлял о нежелании французского правительства вмешиваться во внутренние дела России, о готовности признать любое русское правительство, которое получит общенациональный мандат и будет реально контролировать положение дел в стране, об уважении к стремлению русских революционеров закончить войну всеобщим справедливым миром¹¹⁵.

¹⁰⁹ Ibid., p. 201.

¹¹⁰ Poincaré R. Op. cit., p. 357.

¹¹¹ Duroselle J.-B. Op. cit., p. 229.

¹¹² L'Humanité, 12.XI.1917.

¹¹³ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 27.XII. 1917.

¹¹⁴ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. 5. М., 1938, с. 84.

¹¹⁵ Noulens J. Op. cit., p. 147–148.

Посол в инициативном порядке шел на прямой контакт с лидерами большевиков. Во многом неожиданно для себя он понимал, что он едва ли не впервые в России сталкивается с силой, готовой бороться за власть и брать на себя политическую ответственность. Большое впечатление на посла произвел Л.Д. Троцкий, явившийся 18 декабря в особняк на Французской набережной. «Что в первую очередь поражало в нем, — писал Нуланс, — это чувствующаяся воля, привычка к доминированию и уверенность в себе... Передо мной стоял восточный деспот, внешность которого выдавала его склонность к жестокому абсолютизму»¹¹⁶.

Союзники искали возможные пути диалога с большевиками. На межсоюзнической конференции в Париже в начале декабря Ллойд Джордж озвучил выдвинутое английским послом в Петрограде предложение принять неизбежное и освободить Россию от обязательства не заключать сепаратный мир. Клемансо наотрез отказался «освободить Россию от данного ею слова», однако стороны согласились с тем, что послы стран Антанты в Петрограде должны в той или иной форме отреагировать на предложение большевиков о заключении всеобщего справедливого мира¹¹⁷. Французский ответ был сдержан, но шел гораздо дальше деклараций весны — лета. Правительство республики заявляло о своей готовности рассмотреть вопрос о пересмотре целей войны в том случае, если эта инициатива будет исходить от законного, имеющего общенациональный мандат правительства России¹¹⁸. Как минимум, оно должно было контролировать сколь-нибудь значительную территорию и хотя бы чем-то реально управлять. Однако события декабря 1917 г. лишь укрепили Клемансо и его министров в сомнениях по поводу перспективы соглашения с новым руководством в Петрограде.

За первые два месяца своего нахождения у власти большевики не только объявили о скором выходе из войны, но и начали публикацию секретных договоров России с союзниками, анонсировали отказ от платежей по внешнему долгу, а также поставили под сомнение будущее Учредительного собрания, если его состав не будет устраивать пришедшую к власти партию. В своем выступлении перед парламентом 27 декабря Пишон изложил суть новой политики Франции в отношении России. Не признавая большевистскую власть, Париж заявлял о своем желании «сохранить отношения со всеми здоровыми элементами в России»: «Мы должны присутствовать везде, где есть признаки власти... Мы не вмешиваемся во внутреннюю политику России, но мы, в рамках тех прав, которые у нас есть, чувствуя уверенность в необходимости исполнения наших обязательств, примем все меры, которые мы считаем необходимыми, для сохранения наших значительных и часто жизненных интересов в стране, на протяжении четверти века являвшейся нашим союзником»¹¹⁹.

Фактически уже здесь, несмотря на все оговорки, было заложено оправдание будущей интервенции. Под все это подводилось характерное политическое обоснование. В числе наиболее серьезных последствий выхода России из войны, помимо понятной для французов опасности переброски германских войск на запад, Пишон называл стремление немцев «раздавить [русскую] революцию и восстановить авторитарный режим». Идея о том, что авторитария не только идеологически неприемлема, но и обрекает страну на поражение, в то время как демократическая республика более «боеспособна» уже в силу своей политической природы, владела умами французских политиков, несмотря на многочисленные примеры ее ошибочности, в которых не было недостатка в 1917 г. По крайней мере, тот факт, что ее публично озвучивали на самом высоком уровне, говорит о многом.

После большевистского переворота Нуланс продолжал оставаться послом Франции в Петрограде, в России действовала союзническая военная миссия, однако «медовый

¹¹⁶ Ibid., p. 171.

¹¹⁷ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., с. 87.

¹¹⁸ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 27.XII.1917.

¹¹⁹ Ibidem.

месяц» французской республики и Русской революции, очевидно, подошел к концу. В январе большевики вели переговоры с немцами в Брест-Литовске и разогнали Учредительное собрание — эти два шага серьезно осложнили перспективы конструктивного диалога между Петроградом и Парижем. Официальный курс на невмешательство в русские дела сохранялся. Посол заранее отказался от присутствия на открытии Учредительного собрания 18 января 1918 г., чтобы не вызывать лишних подозрений. Тем не менее в Париже все чаще раздавались голоса в поддержку открытой интервенции. Нулансу приходилось парировать эти предложения. Он писал Пишону о том, что в России не существует сил, способных уверенно противостоять большевикам. Ситуация представлялась тупиковой.

Де Робьен считал, что гордиев узел необходимо разрубить. 10 января 1918 г. он оставил в своем дневнике характерную запись: «По-моему, у нас остается два возможных варианта действий: или все-таки признать народных комиссаров и жить с ними в полном согласии, или начать, наконец, бороться с ними. Однако во втором случае придется заключить мир с Германией... Я начинаю склоняться к мысли, что, несмотря на все, второй вариант окажется предпочтительным, и все страны цивилизованной Европы, живущие в рамках буржуазного общества, в конечном итоге объединятся против русской анархии... Очевидно, что мы уже давно должны были заключить прочный мир за их [русских] счет»¹²⁰. Политика «санитарного кордона» вокруг России будет провозглашена Клемансо лишь после окончания мировой войны, однако ее идея вызрела уже к началу 1918 г.

Нуланс, по крайней мере, на страницах мемуаров, полностью отрицал тот факт, что союзники в начале 1918 г. рассматривали возможность заключения мира за счет России. Более того, 13 февраля, когда переговоры в Брест-Литовске зашли в тупик, он дал интервью газете «Новая жизнь», в котором отметил, что русское правительство может рассчитывать на поддержку союзников в случае германского наступления, и даже допускал возможность улучшения отношений с большевиками вплоть до признания в той или иной форме их власти. 21 февраля Троцкий дал знать Нулансу, что большевистское правительство, вероятно, будет вынуждено обратиться к Франции за помощью. Ответ посла был недвусмысленным: «Я немедленно пообещал предоставить ее в любом объеме»¹²¹. С санкции Парижа Нуланс поручил Нисселю разработать план обороны Петрограда, что тот и выполнил в самые короткие сроки.

Подписание Брестского мира 3 марта 1918 г. закрыло для Франции все пути возможной нормализации отношений с большевиками. «Я испытал прилив возмущения, когда узнал о той помощи, которую подписавшие договор оказали нашим врагам. Я не мог простить акта измены, на которую с циничной бесцеремонностью пошло правительство государства, чьи национальные амбиции втянули нашу страну в войну», — писал Нуланс¹²². 8 марта, выступая в палате депутатов, Клемансо заявил: «Россия нас предала, но я продолжаю вести войну»¹²³. Еще 28 февраля французское посольство, предвидя возможное взятие немцами столицы России, покинуло Петроград. Большевистское правительство вскоре тоже переехало в Москву. Таким образом, все официальные контакты между большевистским правительством России и Францией были прерваны.

* * *

Если отталкиваться от первой части формулы А. Капю, который еще в марте 1917 г. предлагал смотреть на события в России «с точки зрения Франции и с точки зрения войны», то Русская революция для французов окончилась 7 ноября 1917 г. Собственно, об этом прямо сказал Пишон, обосновывая нелегитимность большевистского режима как свергнувшего правительство, учрежденное революцией. «С точки зрения войны» Русская революция бесславно завершилась 3 марта 1918 г. подписанием Брестского

¹²⁰ *Robien L. de. Op. cit.*, p. 207.

¹²¹ *Noulens J. Op. cit.*, p. 223.

¹²² *Ibid.*, p. 229.

¹²³ *Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés.* 8.III.1918.

мира. Разумеется, политика Франции в отношении большевистской России не окончилась с отъездом Нуланса из Петрограда. Правительство Клемансо активно включится в подготовку и реализацию интервенции, и тот же Нуланс, оставшийся в России до конца 1918 г., окажется вовлечен в перипетии русской Гражданской войны. Однако эта реальность осмыслялась в новой системе координат.

Тот образ Русской революции, который возник во Франции в 1918–1920 гг. и имел в своей основе большевистский политический опыт, в значительной степени самостоятелен. В 1917 г. русские революционные события влияли на внутреннюю политику во Франции лишь постольку, поскольку неразрывно связывались с ведением войны. Однако уже в 1918 г. они начали превращаться в важный фактор общественно-политической жизни. Идеей «сделать, как в России» сначала вдохновлялась часть социалистов, выступавших с антивоенных позиций. В 1918 г. она завоевала всю Французскую социалистическую партию, объединившуюся вокруг лозунга справедливого мира и осуждения интервенции в Советскую Россию. В 1919 г. большевистские идеи уже уверенно проникали в массы, а год спустя легли в основу программы Французской коммунистической партии.

Однако в данном случае необходимо согласиться с мнением крупнейшего исследователя французского коммунистического движения: это увлечение русским революционным опытом имело преимущественно внутреннее французское происхождение¹²⁴. Оно объяснялось активными процессами трансформации социалистической партии, не выдержавшей испытания войной, и ростом массовой политической активности под влиянием военных перегрузок. Последующее увлечение французских интеллектуалов коммунизмом, его превращение во «французскую страсть», формирование во Франции крупнейшей коммунистической партии – сюжеты, которые лишь формально связаны с событиями 1917 г. в России.

В этом смысле изучение реакции французского правящего класса на события Русской революции позволяет исследователю максимально приблизиться к ситуации 1917 г., абстрагируясь от позднейших искажений, которые эта тема получила в рамках историографии международного коммунистического движения. Взгляд с этой позиции приводит к важному выводу: суммируя все оценки, можно сказать, что в начале 1918 г. Русская революция воспринималась французскими политиками как крупнейший провал.

«С точки зрения войны» все было, по крайней мере, объяснимо. Нуланс в своих мемуарах подробно представил историю того, как слабое Временное правительство не рискнуло опереться на массовую народную поддержку, чем открыло дорогу волне анархии, которая уничтожила Россию как военную силу. Однако с точки зрения французского дискурса о революции это не объясняло главного: как движение за демократизацию политического строя, на словах вдохновлявшееся лозунгом свободы, равенства и братства, окончилось катастрофой, последствия которой едва не стоили Франции национального суверенитета.

Французские политики, следившие за ходом Русской революции в 1917 г., так и не смогли убедительно решить эту проблему. Здравый смысл требовал от них в условиях мировой войны до конца поддерживать монархию Николая II, но лишь немногие отдавали себе в этом отчет. Одним из них был Т. Делькассе, в прошлом глава МИД и активный сторонник франко-русского союза. В сентябре 1917 г., выслушав рассказ французского дипломата, только что вернувшегося из России, он сказал: «Я не люблю экспериментов над социальным телом. Они подобны химическим опытам, которые ведут к непредсказуемым реакциям. Здесь всегда возникают неожиданности... Я не принадлежу к числу тех, кто радовался русской революции»¹²⁵.

Делькассе мог позволить себе не скрывать свой скепсис в отношении событий в России. Со времен революции 1905 г., когда он, будучи министром иностранных дел, выступал последовательным проводником курса на невмешательство во внутренние дела страны-союзницы, левая часть общественного мнения подозревала его в симпатиях

¹²⁴ *Kriegel A. Op. cit.*

¹²⁵ *Chambrun C. de. Lettres à Marie. Paris, 1941, p. 243.*

к самодержавию. Большинство его коллег по правительству и парламенту вынуждены были считаться с публичными настроениями и лишь в кулуарах и на страницах переписки обмениваться тревожными ожиданиями по поводу русских событий. Однако это лишь часть проблемы. Как показывает пример посла М. Палеолога, они активно воспринимали тот негативный информационный фон, который постепенно формировался вокруг действий царского правительства на протяжении 1915–1916 гг. Это фактически обезоружило французский политический класс в 1917 г. после того, как его представители осознали реальные последствия краха центральной власти в условиях войны.

Идея о том, что политическая либерализация идет рука об руку с военными успехами, имела свои корни в истории Французской революции конца XVIII в., однако в разгар тотальной мировой войны выглядела как нонсенс. Большинство из тех, кто в 1917 г. принимал во Франции политические решения, это понимали, но в случае с Россией вынуждены были действовать так, как если бы верили в нее. Были и те, кто действительно руководствовался ею. К их числу относился Ж. Клемансо, который вплоть до Октябрьского переворота, хотя и постепенно разочаровываясь, верил в то, что Россия пойдет по пути революционной Франции 1792 г. Социалисты все более уверенно делали тему войны и Русской революции ставкой в своей внутрипартийной борьбе. В результате формировалась неполная, а часто и ложная картина того, что происходит в России. Это лишь запутывало французский политический класс.

Те, кто сохранял определенный оптимизм, не догадывались о глубине того кризиса, в котором оказалась Россия. А. Тома явно преувеличивал потенциал самоорганизации советской демократии. Нуланс выдавал желаемое за действительное, когда писал о том, что в глубине русского общества преобладают здоровые силы, на которые надо лишь опереться и избавиться от кучки смутьянов во главе с Лениным. Французские политики с трудом отдавали себе отчет в том, насколько далеко зашли процессы распада русского общества, усугубленные войной. Собственный революционный опыт убеждал их в том, что нация раньше или позже говорит свое слово и кладет конец социально-политическим катаклизмам. Тот факт, что в случае с Россией голос нации так и не прозвучал, стал для них неприятным открытием.

Логическим следствием этого стали попытки объяснить фиаско Русской революции «испорченностью» самого народа. Уже весной в этом ключе высказывался Палеолог. Летом схожие идеи с трибуны парламента высказал Бриан. В сентябре ту же идею озвучивал Клемансо. «Революция, внезапно произошедшая в царской империи и разрушившая невыносимый политический режим, — писал он, — дезориентировала умы, сформировавшиеся в рамках восточной системы ценностей, внезапным переходом из состояния полного рабства к неистовым проявлениям ничем не ограниченной свободы»¹²⁶. Лишь на несколько месяцев русские завоевали в глазах «Тигра» право считаться цивилизованным народом. Они не выдержали экзамен революцией и снова возвращались в свое рабское положение. Еще более остро выражался Камбон. «Не могу сказать Вам, что русские меня удивили, — отмечал он в письме 28 февраля 1918 г., — нет, я никогда не верил в их мозги, полные мечтаний, неспособные к разумному действию, в их представления, достойные детей 8-летнего возраста, в их рабские души, которые можно организовать, лишь с помощью палки... Китайцы намного их превосходят... Чтобы превратить ее [Россию] в нацию, потребуются Иван Грозный»¹²⁷.

За мнимым культурным несовершенством русского населения, пустившего локомотив революции не по тому пути, французские политики не рассмотрели признаки скорого «восстания масс» в Европе. Русская революция была предвестником тектонических социально-политических изменений. Третья Республика, построенная на фундаменте республиканской политической культуры, которая выросла из революционных традиций XIX в., оказалась к ним не готова, что во многом предопределило ее бесславный финал спустя всего 23 года после октябрьского штурма Зимнего дворца.

¹²⁶ L'Homme enchaîné, 23.IX.1917.

¹²⁷ Cambon P. Op. cit., p. 230.